

— Как только прошел слух, что в ваш институт из президентского архива переданы материалы, касающиеся Горького, первой реакцией было: наконец-то мы узнаем тайну архивного чехомодана. Того самого чехомодана, который Горький вез в 1933 году, возвращаясь из Сорренто в Москву навсегда, передав на хранение Марии Будаберг и, как говорят, поставил условие: «никому бумаги не выдавать — и, даже если он потребует посылки их ему в Москву, отказать». Будаберг увезла чехомодан в Англию. Но архив Будаберг бы все же в Москву попал... — Должен вас сразу разочаровать. То, что мы получили из архива президента, не отвечает на ваш вопрос и нисколько не проясняет историю с таинственным чехомоданом, так подробно рассказанную Ниной Берберовой в книге «Железная женщина». Я внимательно прочитал все, что к нам сейчас поступило — а это огромный архивный массив, — там нет ничего, что хоть в какой-то мере помогло бы раскрыть «тайну».

— Что же в таком случае вы, архивист, думаете об этой пропаже? Существует ли чехомодан в действительности? И может ли найтись? Есть ли хотя бы какие-нибудь зацепки?

— Сюжет, изложенный Берберовой, вполне совпадает, скажем так, с жизненными обстоятельствами Горького. Зимой 1933 года писатель последний раз провёл в Сорренто, а весной встал вопрос, куда девать архив. Часть уже была отпрелена в Россию, но оставались еще письма и заметки, которые, как полагает Берберова, везли на родину было небезопасно. И тогда принимается решение поручить их хранение секретарю Горького Марии Будаберг, которая к тому времени обосновалась в Англии. А спустя несколько лет, накануне смерти, Горький попросил ее приехать к нему в Россию — проститься. Сталин же поставил условие: привезти и чехомодан. И вот при невыясненных обстоятельствах произошла передача этих материалов, которые будто бы попали не к Горькому, а в соответствующие архивы и там осели. Так считает Берберова.

Я пытался заниматься этой историей. И прежде всего меня интересовали поездки Будаберг в нашу страну. Действительно, в 30-е годы она неоднократно бывала здесь, встречалась с Горьким и в Тессели, где он отдыхал, и в Горках. Но каких-либо зацепок, как вы говорите, каких-либо фактов, свидетельств, связанных с передачей документов, в архиве нет. Поэтому скажу так: пока мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть версию Берберовой. История до сих пор остается непроясненной и в межуарно-биографическом плане, и по составу тех писем, которые, по мнению автора «Железной женщины», должны были быть в таинственном чехомодане. Ибо многие из корреспонденций, перечисленных Берберовой, благополучно хранятся в нашем архиве и никаких секретов в них, уверю, не содержится.

— Какие же материалы были переданы из президентского архива? И почему именно сегодня настало время их передачи?

— Время настало, потому что мы его ускорили, институт ведь не бездействовал. Одних писем и запросов в разные инстанции сколько написали!

— Вы знали, что этот архив Горького существует?

— Не только знали, но и владели подробными описями, которые составляла Комиссия по литературному наследству Горького, образованная уже в день его смерти. В сентябре 1936 года, то есть спустя всего несколько месяцев, первая партия изъятых комиссией горьковских материалов (да-да, была у них и такая задача) — 153 документа — была

К 125-летию со дня рождения писателя Горький, которого мы не знаем

С заведующим архивом А. М. Горького при Институте мировой литературы Владимиром БАРАХОВЫМ беседует Ирина ТОСУНЯН

Я бы не стал проводить резкую разграничительную линию между документами, которые нам возвратили, и теми, что пока еще находятся в архиве президента.

— Вы хотите сказать, что замедленные темпы объясняются лишь естественной волокитой?

— Да, я думаю, это дань старым традициям. Оставшиеся в президентском архиве материалы — это, в отличие от переданного нам массива писем, связанные определенными временами и тематикой, документы весьма разрозненные, и они вряд ли приведут к какому-то открытию. Тем не менее не известные ранее материалы помогут узнать настоящего Горького. Нужно просто восстановить все горьковское наследие — без купюр, без изъятий, без «белых пятен».

— Ну, а, скажем, историю о том, как близкий окружение подговаривало писателя к созданию очерка о Сталине. Идут поведать прибывшие к вам письма? Говорят, были какие-то заметки, заметки, какие-то папки... Тон же ведь не очень пропелсенная история.

— Да, вы правы, это тоже относится к категории непроясненных горьковских историй. Прежде всего скажу, что никаких папок с бумагами, подтверждающими, что писатель делал черновые заметки для очерка о Сталине, в нашем архиве нет. Однако кое-какими материалами для разговора на эту тему мы уже обладаем. Коснемся вначале сюжета с американским издателем и журналистом Лонгом. Все факты, о которых я хочу рассказать, взяты из тех самых 46 писем Горького Сталину. Итак, в 1932 году Рай Лонг обратился к Горькому с просьбой принять участие в задунайской серии книг о строительстве социализма в СССР. Например, к первой книге он просил написать вступление, а сам Горький, живо откликнувшись на эту идею, решил создать главу о положении среднего русского человека в деревенской России. Лонгом мысленно участие в этой серии и многих государственных деятелей, в частности Иосифа Сталина. Горький написал об этом предположении Сталину, и тот сначала согласился и даже обещал лично помочь в подготовке каких-то материалов, но спустя некоторое время изменил свое решение, назвав идею Лонга нецелесообразной.

— Где же оригиналы?

— По-видимому, в президентском архиве. Нам вернули лишь то, что принято называть «личным архивом». Но и черновики представляют большой интерес. Хотя они и носят следы правки, во многом представляют собой завершенные, целостные документы и очень помогают понять лабораторию эпистолярного жанра писателя. Горький весьма тщательно готовил свою корреспонденцию.

— Получается, ваш институт по-прежнему будет заниматься изучением лишь высочайше разрешенного, дозированного Горького. Часть архива все еще недосягаема. Что же за бомба таится в нем? Можно ли по имеющейся у вас описи сделать какие-либо предположения?

— Нам вернули почти все. Некоторые потери в таких случаях неизбежны. Мы надеемся на получение горьковских материалов из других фондов этого архива. Но я постепенно все более убеждаюсь, что рассчитывать на какую-то сенсацию не приходится. Это не будет. Надо знать Горького. В своих многочисленных корреспонденциях, особенно в обращениях к членам правительства, он выдерживал один и тот же тон, один и тот же стиль — официально-деловой.

А. М. ГОРЬКИЙ, В. М. МОЛЧАНОВ И И. В. СТАЛИН на Ленинском мавзолее. 1 мая 1934 г.

своих многочисленных начинаний не сможет воплотить в жизнь без покровительства Сталина.

В переписке выявилось их разное отношение и к так называемым оппозиционерам: Каменеву, Бухарину, Радеку, Горький считал возможным использовать бывших соратников Ленина в культурном строительстве и добивался, чтобы они были назначены на какие-нибудь издательские или редакторские должности. И добился своего. Каменев стал директором издательства «Академия», Бухарин занял пост редактора «Известий». Радек и Бухарин были докладчиками на I-м съезде писателей. Конечно, в определенной мере Горький предался иллюзиям, ибо вся последующая история не оставляла никаких сомнений относительно действительных намерений Сталина: все, за кого хлопотал Горький, вскоре были уничтожены. И все же можно согласиться с мыслью, высказанной Замiatиным, что в вопросах литературной политики Горький был искусным дипломатом и оказывал порой на Сталина положительное влияние.

— Вы имеете в виду основанный Горьким Союз писателей?

— Да, но должен сказать, что многие обстоятельства, связанные с I-м съездом советских писателей, тоже весьма драматичны. Прежде всего на первом этапе подготовки к съезду Горький входил в оргкомитет лишь как почетный председатель, а следовательно, был лишен возможности активно влиять на многие организационные вопросы (настоящим председателем был И. Гронский). Горький возглавил оргкомитет лишь в 1933 году. Их расхождение со Сталиным выявилось и в ориентации на разных людей, которые должны были войти в правление писательской организации страны. Сталин предпочитал партийных деятелей, курировавших литературу, таких, как редактор «Правды» Мехлис, как Жданов, Щербаков. Горький накануне съезда послал Сталину свой список людей, которым бы доверил судьбу отечественной литературы. Список нам пока неизвестен, но можно предположить, что это были такие близкие Горькому писатели, как Вс. Иванов, Федин, Леонов, Мирский, Бруно Ясенский. Показательно его письмо Сталину от 2 августа 1934 года, накануне съезда.

Он пишет, что если предлагаемый им состав правления не будет принят, то он, Горький, отказывается быть председателем.

бодить меня от Председательства в Союзе по причине слабости здоровья и крайней загруженности лит-сера-турной работой». Председательствовать я не умею, еще менее способен разбираться в незнакомых хитростях политики группочек. Я гораздо полезнее буду как работник литературы. У меня скопилось множество тем, над коими я не имею времени работать.

Сердечно жму руку и желаю Вам хорошо отдохнуть.

2/VIII-34 М. Горький

Печатается по машинописной копии. Заключительная фраза, дата и подпись внесены рукою секретаря.

Вероятно, имеется в виду доклад Горького на Первом съезде писателей 17 августа 1934 г.

23 июля 1934 г. в «Правде» была опубликована статья П. Ф. Юдина «О писателях-коммунистах». В этой же день Б. Ясенский писал Горькому: «Появление накануне съезда и «Правды» статьи от секретаря Оргкомитета ССП т. Юдина, озаглавленной «О писателях-коммунистах», является, по существу, не чем иным, как очередной попыткой утвердить еще раз перед съездом «гипсовую галерею сановников от литературы» (Архив А. М. Горького). Эта фраза Б. Ясенского Горьким подчеркнута».

Речь идет о статье Д. П. Мирского «Замысел и воплощение» («Литературная газета», 24 июня 1934 г.), в которой была дана отрицательная оценка романа Фадеева «Последний из удег».

В своей статье «О литературных заблуждениях» 14 июня 1934 г. в «Правде», «Известиях» и «Литературной газете», Горький осуждал роман А. Молчанова «Кресты» за многочисленные фактические и стилистические погрешности.

Статья Горького «Советские дети» была опубликована 8 августа 1934 года в газете «Правда».

О наком списке идет речь, неизвестно. В архиве А. М. Горького хранится машинописный список президиума и секретариата правления ССП в следующем составе: Л. Каменев, И. Луцкий, Р. Эйдемман, И. Мининков, В. Иванов, В. Ясенский, Н. Тихонов, Маннер, В. Мейлаук. Фамилия В. Мейлаука внесена Горьким.

На заключительном вечернем заседании 1 сентября 1934 г. делегаты съезда единогласно и списком избрали правление ССП в составе 101 человека. В него, кроме В. Бахметьева, В. Вишневского, Г. Глазкова, Ф. Панферова, А. Серафимовича, П. Юдина, вошли также и рекомендованные Горьким Вс. Иванов, Л. Каменев, И. Луцкий, И. Мининков, Н. Тихонов, Р. Эйдемман, В. Ясенский. 2 сентября 1934 г. на первом пленуме правления ССП председателем президиума правления был избран Горький.

Два письма Сталину

Посылаю Вам мой «доклад»¹ и очень прошу Вас ознакомиться с ним поскорее, чтоб я успел внести в него поправки, которые Вы, может быть, сделаете.

Прилагаю письма ко мне т. т. Мирского и Ясенского, а также копию статьи последнего, направленной в «Правду» и еще не напечатанной. Вероятно, она и не будет напечатана, ибо Юдин и Мехлис — люди одной линии? Идеология этой линии неизвестна мне, а практика сводится к организации группы, которая хочет командовать Союзом писателей. Группа эта — имея «волю к власти» и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой. Не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малочисленности в отношении к прошлому и настоящему литературы.

Состав правления Союза намечается из лиц, указанных в статье Юдина, тоже прилагаемой мною. Серафимович, Бахметьев и Глазков, на мой взгляд, «отработанный пар», люди интеллектуально дряхлые. Двое последних относятся к Фадееву враждебно, а он, останавливаясь в своем развитии, видимо, переживает это как драму, что, впрочем, не мешает его стремлению играть роль лит-сера-турного вождя, хотя для него и литературы было бы лучше, чтобы он учился. Оценку Мирским «Последнего из Удег»² я считаю совершенно правильной, но, судя по Юдину, Фадеев только обиделся на нее. Мое отношение к Юдину принимает характер все более отрицательный. Мне противна его мужнишкая хитрость, беспринципность, его двоящее и трусовое человека, который, сознавая свое личное бессилие, пытается окружить себя людьми еще более ничтожными и спрятаться в их среде.

Я не верю в искренность коммунизма Панферова, тоже малочисленного мужика, тоже хитрого, болезненно честолюбивого, но парня большой воли. Он очень деятельно борется против критического отношения к «Брускам», привлекая в качестве своего защитника Варейкиса, какой-то Гречинский выступил о нем хвалебную книжечку, в которой утверждается, что «познавательное значение «Брусков», без всякого преувеличения, огромно», и повторена фраза из статьи Васильевского: «Брусков» — замечают и не могут заменить никакие, даже специальные исследования о коллективизации». Разумеется, в книжке этой нет ни слова о «Поднятой целине» Шолохова и о «Ненависти» Шукхова. Вполне естественно, что на этих авторов неумеренное восхваление Панферова действует болезненно и вредно.

Лично для меня Панферов, Молчанов и другие «из» этой группы яв-

ляются проводниками в среду литераторов и в литературу мужика, со всем его индивидуалистическим «едноличным» багажом. Литература для них — «хитрый промысел» и трамплин для прыжков на высокие позиции. Мое недоброжелательное и враждебное отношение к мужику не уменьшается от того, что мужик иногда ворчит языком коммуниста. Мужичья литература и литература о мужике требует особенно внимательного чтения и особенно острой критики. Все чаще приходится отмечать, что мужик учится не так жадно, как пролетарий. Вот последний случай: Молчанову были предложены средства для того, чтобы он поехал на охоту из больших строек, поехал там, посмотрел, как работает пролетарий для возрождения деревни. Он отказался, сославшись на то, что пишет новую книгу. Критика его «Крестьянина» отослала от него, как от гуса вода³.

Вишневский, Либединский, Чумандин не могут быть руководителями внепартийных писателей, более грамотных, чем эти трое. Комфракция в Оргком не имеет авторитета среди писателей, пред которыми открыто разразилась борьба группочек. И я должен сказать, что у нас группочки создаются фактом мещанства: у некоторых ответственных т-оварищей⁴ есть литераторы, которых «вельможи» особенно покровительствуют, которых особенно и неосторожно похваляют. И около каждого из таких подчеркнутых симпатий «начальства» литераторов организуется группочка еще менее талантливых, чем он; он организуется не как вокруг «учителя», а — по мотивам бытового, узколичного. «Импрек» в свою очередь тоже играл роль мещанства, проводил в издательстве недозрелые «плоды творчества» юных охучей, шурял и прочих рыбок из разряда хищных. «Импрек» хлопотел о пайке и квартире для своего поклонника, которого он именует «учеником», но работе не учит и не может учить, ибо сам невежда. К этому налобно прибавляет, что мы имеем дело по преимуществу с людьми 30 лет, т. е. с пережившими в отрочестве и юности «тяжелые времена», а эти времена отразились на психике многих 30-летних весьма вредно: люди слишком жадны к удовольствиям жизни, слишком спешат насладиться и не лю-

бят работать добросовестно. А некоторые «спешат жить» так стремительно, что поспешность их вызывает такое впечатление: люди не уверены в том, что действительность, создаваемая партией, достаточно окрепла и будет развиваться именно так, как развивается, думают, что мужик только притворяется коллективистом и что у нас есть все посылки к фашизму и что «война может возвратиться нас дальше, чем к палу». Если б это думал только мещанин, обыватель, тогда неважно, но так думают некие «партийцы», и это мне кажется тревожным, хотя, как известно, я — «оптимист».

К сему надо прибавить еще и деятельность вредителей среди школьного молодоя, о чем говорил мне Иван Макаревич и о чем, по его словам, он рассказывал Вам. О другой форме вредительства среди детей в Крыму рассказывали мне т-оварищи⁵ из ГПУ. Я очень внимательно присматриваюсь к детям и на них исполно обещание написать о них — опоздал сделать это не по своей вине⁶.

Детей необходимо охранять от мещанской заразы — вот в чем дело.

Все выше — и очень неполно — сказанное убеждает меня в необходимости серьезнейшего внимания к литературе — «проводнику идей в жизнь», — добавлю: не столько идей, как настроений. Дорогой, искренно уважаемый и любимый товарищ, Союз литераторов необходимо возмалить союзнейшим идеологическим руководством. Сейчас происходит подбор лиц, сообразно интересам честного, предвещающего неизбежность мелкой, личной борьбы группочек в Союзе, борьбы вовсе не по линии организации литературы как силы действующей идеологической единицы. Культурно-революционное значение литературы понимается не многими. Знаю, что Вам будут представлены списки людей, которые рекомендуются в Правление и в Президиум Союза писателей. Не знаю — кто они, но — догадываюсь.

Лично мне кажется, что наиболее крепко возмалится бы С. из лиц, названных в списке прилагаемом⁷. Но если даже будет принят⁸ предлагаемый состав Правления Союза писателей, — я убедительно прошу осно-

в своих многочисленных начинаний не сможет воплотить в жизнь без покровительства Сталина.

В переписке выявилось их разное отношение и к так называемым оппозиционерам: Каменеву, Бухарину, Радеку, Горький считал возможным использовать бывших соратников Ленина в культурном строительстве и добивался, чтобы они были назначены на какие-нибудь издательские или редакторские должности. И добился своего. Каменев стал директором издательства «Академия», Бухарин занял пост редактора «Известий». Радек и Бухарин были докладчиками на I-м съезде писателей. Конечно, в определенной мере Горький предался иллюзиям, ибо вся последующая история не оставляла никаких сомнений относительно действительных намерений Сталина: все, за кого хлопотал Горький, вскоре были уничтожены. И все же можно согласиться с мыслью, высказанной Замiatиным, что в вопросах литературной политики Горький был искусным дипломатом и оказывал порой на Сталина положительное влияние.

— Вы имеете в виду основанный Горьким Союз писателей?

— Да, но должен сказать, что многие обстоятельства, связанные с I-м съездом советских писателей, тоже весьма драматичны. Прежде всего на первом этапе подготовки к съезду Горький входил в оргкомитет лишь как почетный председатель, а следовательно, был лишен возможности активно влиять на многие организационные вопросы (настоящим председателем был И. Гронский). Горький возглавил оргкомитет лишь в 1933 году. Их расхождение со Сталиным выявилось и в ориентации на разных людей, которые должны были войти в правление писательской организации страны. Сталин предпочитал партийных деятелей, курировавших литературу, таких, как редактор «Правды» Мехлис, как Жданов, Щербаков. Горький накануне съезда послал Сталину свой список людей, которым бы доверил судьбу отечественной литературы. Список нам пока неизвестен, но можно предположить, что это были такие близкие Горькому писатели, как Вс. Иванов, Федин, Леонов, Мирский, Бруно Ясенский. Показательно его письмо Сталину от 2 августа 1934 года, накануне съезда.

Он пишет, что если предлагаемый им состав правления не будет принят, то он, Горький, отказывается быть председателем.

«Не ранее 7—10 марта 1936 г.» Дорогой Иосиф Виссарионович — сообщаю Вам впечатление, полученные мною от непосредственного знакомства с Мальро.

Я слышал о нем много хвалебных и солидно обоснованных отзывов от Бабеля, которого считаю отлично понимающим людей и умнейшим из наших литераторов. Бабель знает Мальро не первый год и, живя в Париже, пристально следил за ростом значения Мальро во Франции. Бабель говорит, что с Мальро считались министры и что среди современной интеллигенции романских стран этот человек — наиболее крупная, талантливая и влиятельная фигура, к тому же обладающая и талантом организатора. Мнение Бабеля подтверждает и другой мой информатор Мария Будаберг, которую Вы видели у меня; она вращается среди литераторов Европы давно уже и знает все отношения, все оценки. По ее мнению, Мальро — действительно человек исключительных способностей.

От непосредственного знакомства с ним у меня получилось впечатление приблизительно такое же: очень талантливый человек, глубоко понимающий всемирное значение работы Союза Советов, понимает, что фашизм и национальные войны неизбежно следствием капиталистической системы, что, организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией, против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социальной революции. О практических решениях, принятых нами, Вас осведомит т. Колцов¹.

Недостатки Мальро я вижу в его склонности детализировать, говорить о мелочах так много, как они того не заслуживают. Более существенным недостатком является его типичное для всей интеллигенции Европы: «за человека, за независимость его творчества, за свободу внутреннего его юста» и т. д.

Т-оварищ² Колцов сообщил мне, что первыми вопросами Мальро были вопросы о Шагиняна, о Шостаковиче. Основная цель этого моего письма — тоже откровенно рассказать Вам о моем отношении к вопросу этим. По этому поводу я Вам

делателем правления Союза советских писателей, И мотивирует это тем, что болел, не способен понять групповую борьбу вокруг создаваемой организации и не хочет в нее вникать. Согласиться это обстоятельство, которое нам не было известно; мы всегда воспринимали Горького как монолитную фигуру, не знающую противоречий, как человека, горящего желанием руководить писателями. Августовское письмо совпадает и с другим его письмом, от сентября того же 1934 года (оно опубликовано в «Известиях ЦК КПСС»). Только что закончилась 1-й съезд писателей, определился состав членов правления — не горьковский. И писатель обращается с письмом, но уже не к Сталину, а в ЦК партии с той же просьбой: он недоволен составом правления, эти люди, по его мнению, претендуют на то, чтобы быть администраторами в литературе, а не настоящими творческими руководителями. И Горький вторично отказывается от поста председателя. Ни первая, ни вторая просьбы не были приняты во внимание.

— Владимир Сергеевич, а предполагаю ли архивисты, что, кроме как мы уже выяснили, президентского архива и таинственного чехомодана, исчезнувшего то ли в далекой Англии, то ли в наших спецхранах, есть еще какие-то недостающие горьковские материалы? Есть ли неэтичные — и в прямом, и в переносном смысле — архивы, которые и нужно, и возможно открыть?

— Думаю, что, к примеру, в архиве КГБ горьковские материалы далеко не исчерпаны.

— Возможно, и таинственный чехомодан?

— Не буду этого отрицать. Жизнь полна неожиданностей. В начале 60-х годов мы получили из архива госбезопасности несколько писем Горького Роману Роллану и Ягоде. Тогда это вселило надежду на продолжение наших отношений. Но мои письма оставались, как правило, без ответа. А осенью минувшего года благодаря обращению в тот же адрес ряда наших известных общественных деятелей нам вернули ценнейшие материалы. Это медицинское дело Горького, а также материалы на лечащих его врачей. Очень интересные документы, которые не оставляют никаких сомнений, что Горького лечили так, как это соответствовало медицине того времени и врачебной этике. Передали нам также медицинскую папку сына Горького, Павла, в отличие от первой, она убога по содержанию, что наводит на разного рода предположения. Вернули и большую папку материалов — 153 документа. Знаете, что это в основном было? Копии перлюстрированных горьковских писем. В воспоминаниях Ходасевича о Горьком упоминается любопытное обстоятельство. Как известно, между Горьким и Зиновьевым были очень тяжелые отношения. Зиновьев в чем мог старался ущипнуть писателя. Например, он знал, что у Горького есть письма Ленина, и пытался любой ценой добыть их, не брезговал даже перлюстрацией. Так вот, ее материалы мы и получили. Но это уже отдельный разговор. Пока материалы не расписаны и еще ждут своих исследователей.

еще не надоедал, но теперь, когда нам нужно заняться широким объединением европейской интеллигенции, — вопросы эти должны быть поставлены и выяснены. Вами во время выступления Ваших, а так же в статьях «Правды» в прошлом году неоднократно говорилось о необходимости «бережного отношения к человеку». На Западе это слышали и это подпадало, рсширило симпатии к нам.

Но вот разыгралась история с Шостаковичем. О его опере были напечатаны хвалебные отзывы в обоих органах центральной прессы и во многих областных газетах. Опера с большим успехом прошла в театрах Ленинграда, Москвы, получила отличные оценки за рубежом. Шостакович — молодой, лет 25, человек, бесспорно талантливый, но очень самоуверенный и весьма нервный. Статья в «Правде» ударила его точно кирпичом по голове, парень совершенно подавлен³. Само собою разумеется, что, говоря о кирпиче, я имел в виду не критику, а тон критики. Да и критика сама по себе — не достоятельная. «Сумбур», а — почему? В чем — как это выражено — «сумбур»? Тут и критик и должн дать техническую оценку музыке Шостаковича. А то, что дала статья «Правды», разрешило стае бездарных людей, халтурно вслепши травить Шостаковича. Они это и делают, Шостакович живет тем, что слышит, живет в мире звуков, хочет быть организатором их, создать из хаоса мелодию. Выраженное «Правдой» отношение к нему нельзя назвать «бережным», а он вполне заслуживает именно бережного отношения как наиболее одаренный из всех современных советских музыкантов.

Крайне резко звучит и постановление о театре Берсенева, Берсенева, конечно, тоже ошеломлен и, разумеется, на главу его будет возложен венец, как на главу безвинно пострадавшего⁴.

Театров в Москве много, театр для детей необходим, это так, но где репертуар для такого театра? И зачем, для кого существовать театры гениального Мефферольда и не менее гениального Талоза? Существует мнение, что один из этих театров необходим для актрисы Райх, а другой — для актрисы Коонен.

Печатается по черновому автографу. Датируется по встрече Горького с А. Мальро, М. Колцовым и И. Бабелем, которая состоялась в Тессели (Крым) 7—10 марта 1936 года.

Воспоминания об этой встрече. М. Колцов писал: «Мы были у Мальро вместе с Андреем Мальро, приехавшим из Парижа, чтобы ознакомить великого просветителя с проектом «Новой энциклопедии», который влился в международные писательские круги. Он был нездоров, но не нарушил своего строгого режима работы. Несколько дней пролежал в дневных и вечерних бесах, он общал с нами огромный круг вопросов, литературных, научных, политических, художественных» (М. Колцов. «Воспоминания», М., 1936).

Имеется в виду статья «Сумбур вместо музыки. Об опере «Леи Макбет Мисского уезда», напечатанная в газете «Правда» 23 марта 1936 г.

Вероятно, речь идет о постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) о закрытии Второго Московского художественного академического театра («Правда», 26 февраля 1936 г.).

Публикацию подготовил В. С. БАРАХОВ, доктор филологических наук